

Современные критериальные системы валидности качественных исследований в психологии

О.Т. Мельникова МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Д.А. Хорошилов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 28 января 2013 / Принята к публикации: 16 марта 2013

Modern criteria system of identifying the validity of qualitative research in psychology

Olga T. Melnikova Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Dmitry A. Khoroshilov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: January 28, 2013 / Accepted for publication: March 16, 2013

Анализируются современные наиболее обсуждаемые критериальные системы валидности качественного исследования: реалистическая, конструкционистская, критическая, эстетическая, радикальная. Показывается, что в современной научной ситуации речь идет не просто о введении специфичных для качественных исследований представлений о валидности, но и о концептуальной замене этого традиционного для психологии критерия. В реалистической системе валидность обсуждается с точки зрения аргументированности выдвигаемых интерпретаций. Конструкционистская система взамен критерия валидности вводит критерии достоверности и аутентичности. Критическая критериальная система делает акцент на социальной полезности, критической составляющей анализа, а также его включенности в контекст социальных изменений.

Эстетическая сводит качество анализа к его выразительности, полифоничности, что оборачивается вопросом представленности в исследовании различных смысловых позиций. Радикальная система, следуя логикам как радикального конструкционизма, так и методологического анархизма, отказывается от однозначного стандарта качества исследований. В завершении статьи делается вывод, что так называемые «субъективные» представления исследователя являются не артефактом анализа, но его ключевым инструментом. Проблема валидности – это проблема разведения и критической рефлексии того, как соотносятся позиции автора исследования и его респондентов. Следуя указанной логике рассуждений, авторами статьи предлагается общая модель валидности качественных исследований в психологии, опирающаяся на проведенный анализ разных критериальных систем и личный практический опыт работы с качественными методами.

Общий принцип построения авторской системы валидности – соотношение критериев и различных уровней (или этапов) качественного исследования: планирования, сбора и анализа данных, интерпретации.

Ключевые слова: валидность качественного исследования, качественная методология, конструкционизм, реализм, фаллибилизм, критическая теория, эстетика.

The most discussed validity criteria of qualitative research, namely realistic, constructionist, critical, aesthetical and radical ones are analysed in this paper. Modern research does not only introduce specific concepts of validity, but it also strives to conceptually replace this criterion by another. In the realistic system the validity is discussed from the point of view of the interpretative argumentation. The constructionist criteria assume refusal of classical validity criteria, new criteria, i.e. “trustworthiness” and “authenticity”, are introduced. The critical criteria emphasize social value and usefulness, a critical component of the research, its inclusiveness in the context of social and cultural changes.

Aesthetical criteria equate quality of the analysis and the expressiveness, polyphony of the collected data, the representation of the various subjective positions in the study. The radical system, following the logics of radical constructionism and methodological anarchism, refuses a definite standard of quality research. Summing up, we conclude that the so-called “subjective” view of the researcher is not an artifact of the analysis, but its key epistemological tool. The issue of validity is the problem of critical reflexivity of the researchers and positions of their respondents. In conclusion, we suggest the original validity criteria of qualitative research in psychology based on the theoretical analysis of various criteria and practical experience.

The general principle of these original criteria is a relation of criteria and various levels (or stages) of qualitative research: research design, data collection and analysis, and data interpretation.

Keywords: validity of qualitative research, qualitative methodology, constructionism, realism, fallibilism, critical theory, aesthetics.

За последние двадцать лет появилось множество различных критериальных систем оценки качественного исследования, их детальное описание составило бы предмет отдельного многотомного издания. В наши задачи такое подробное описание не входит: важно показать основную логику рассуждений по проблеме валидности качественных исследований и дать их критический анализ. Мы хотим отметить открытый и незавершенный характер всех обсуждаемых далее критериальных систем и позиций. Чтобы подчеркнуть принцип открытости проблем валидности, будем называть их «проектами». Критериями хорошего исследования являются руководящие принципы, достаточно близкие к нормативам, по которым проводится оценка качества работы, и, вместе с тем, открытые для возможных переформулировок и дополнений их исходных допущений (Parker, 2005).

Наиболее полный анализ критериальных систем валидности для качественных исследований в свое время был проделан М. Паттоном (Patton, 2002), однако, судя по современным дискуссиям, он нуждается в дополнении. Проведенный нами анализ позволяет говорить о пяти проектах критериальных систем валидности качественных исследований:

- 1 реалистическом,
- 2 конструкционистском,
- 3 критическом,
- 4 эстетическом,
- 5 радикальном.

Кратко охарактеризуем каждый из них.

Проект реалистической критериальной системы

Данный проект опирается на принципы критического реализма (рационализма) и не отказывается от традиционного критерия валидности, который

Критериями хорошего исследования являются руководящие принципы, достаточно близкие к нормативам, по которым проводится оценка качества работы, и, вместе с тем, открытые для возможных переформулировок и дополнений их исходных допущений

объявляется общим как для количественных, так и для качественных исследований, хотя для последних вводятся новые и довольно-таки оригинальные типы валидности. Главное, что критерий валидности здесь сохраняется и не подвергается какой-либо терминологической замене. Вопреки традиционной оппозиции конструкционизма и реализма в философии, сторонники этого проекта пытаются объединить идеи социального конструирования реальности

и реалистический принцип фальсификации гипотез и выбора между соперничающими интерпретациями изучаемого явления. Таким образом, разделение «реалистических» и «конструкционистских» критериальных систем условно в той степени, в какой те или иные авторы заостряют своеобразие качественного подхода и подводят его под постструктуралистские концепции с их активной критикой устоявшихся представлений о том, что есть научность и «объективное» научное знание.

Сторонники реалистической позиции

часто обращаются к идеям Д. Кэмпбелла о квази-экспериментальных дизайнах (Кэмпбелл, 1980), для которых характерно снижение форм экспериментального контроля. Предварительное устранение ряда угроз валидности, достигаемое в эксперименте за счет процедур рандомизации и контроля, проблематично в отношении качественного исследования, ибо качественный анализ более индуктивен (т.е. восходит от данных к гипотезам) и фокусируется скорее на понимании частного, нежели на обобщении универсальных закономерностей (Maxwell, 2002). Значение идей Кэмпбелла для современного понимания валидности определяется тем, что он одним из первых показал: достижение валидности не гарантируется только процедурами контроля, а зависит от оценок и интерпретаций исследователями степени влияния угрожающих ей факторов. Нет правил, которые обеспечили бы оценивание всех уровней валидности в одном отдельно взятом исследовании, также как и нет формальной или «автоматической» процедуры установления значимости различных угроз любым типам валидности – оценка валидности всегда составляет вопрос вынесения суждений и интерпретации этих угроз, более того, она определяется языковыми практиками, социальными нормами и традициями научного сообщества (Mishler, 1990).

Рассмотрим три характерных типа реализации реалистического подхода, представленные в работах Дж. Кирка и М. Миллера, Дж. Максвелла и С. Квале.

Ольга Тимофеевна Мельникова – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова. Круг научных интересов – качественные исследования в социальной психологии: методы и методология. С 1990 года руководитель практических качественных исследований в сфере СМИ, интернета, рекламы, маркетинга, политики, здоровья, оргдиагностики. Автор более 250 публикаций и отчетов по итогам исследовательских проектов
E-mail: melnikova-o@yandex.ru

Дмитрий Александрович Хорошилов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Область научных интересов – качественная методология и методы исследований в психологии, качественный анализ текстов, психология социального познания. Автор более 20 научных публикаций.
E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Предшествовал реалистическому подходу опыт приложения идей Д. Кэмпбелла о внутренней и внешней валидности к качественным исследованиям –

как «валидные» или «невалидные», критерий валидности соотносится только с суждениями и выводами, как они соотносятся с тем, что конструируется как

Объективность любого исследования составляют валидность и надежность, при этом валидность раскладывается на три типа: очевидная, инструментальная и теоретическая. Ключевая стратегия достижения валидности – разделение исследования на несколько фаз и четкая документация всех действий и умозаключений на каждой из них

если внутренняя валидность есть ответ на вопрос о том, «действительно измеряют ли исследователи то, что они думают?», то внешняя – на вопрос: «в какой степени конструкты, полученные, обновленные и проверенные исследователями, могут быть применимы к другим группам?» (LeCompte, Goetz, 1982). Те же угрозы внутренней валидности, которые выделяются Кэмпбеллом для квази-экспериментального метода, переносятся и на этнографические исследования. Мы не останавливаемся на этих рассуждениях ввиду несколько устаревшего характера работы.

Ранняя концепция объективности качественных исследований – концепция Дж. Кирка и М. Миллера (Kirk, Miller, 1986) уже анализировалась в отечественной литературе (Мельникова, 2007), и нам достаточно указать ее общие аспекты. Объективность любого исследования составляют валидность и надежность, при этом валидность раскладывается на три типа: очевидная, инструментальная и теоретическая. Ключевая стратегия достижения валидности – разделение исследования на несколько фаз и четкая документация всех действий и умозаключений на каждой из них. Длительное время монография Кирка и Миллера оставалась единственной по рассматриваемой проблеме валидности и стала важной вехой на пути ее осмысления.

Современный реалистический подход к валидности качественного исследования предлагает Дж. Максвелл (Maxwell, 2002, 2005). Для него валидность – неотъемлемое свойство исследования, но не в используемых процедурах его производства и валидизации, а в отношении к тем вещам, которые оно подразумевает. Для Максвелла категория понимания (understanding) более значима для качественных исследований, чем их валидность. Методы и данные сами по себе не могут рассматриваться

«объективная» реальность, конструкции людей (actors) или другие интерпретации. Типы валидности – это различные типы понимания данных в качественном исследовании.

Максвелл выделяет следующие типы валидности (Maxwell, 2002):

- Описательная валидность предполагает оценивание фактической точности исследования – насколько точно изложены факты, все то, что было увидено, услышано, зафиксировано исследователем. Фиксируются те данные, события и ситуации, по которым может быть достигнуто интересующее согласие, устойчивые идеи о пространстве, времени, физических объектах, поведении, которые являются само собой разумеющимися, не зависят от теоретических предположений и позиций исследователя. Полностью описать весь «поток» данных просто невозможно, да и не нужно, поэтому он ограничивается целями и задачами исследования.
- Интерпретативная валидность предполагает, что интерпретации основаны на том языке, на котором говорят сами респонденты, и как можно более приближены к их понятиям. Выводы должны подтверждаться реальными словами респондента. Хотя мы не можем непосредственно подступиться к значениям, которые респонденты придают своим суждениям и действиям, мы можем сконструировать (реконструировать) их на основе полученных данных. Что касается бессознательных структур, верований и ценностей, то их психологическая реконструкция основывается не на парафразировании, переформулировании и вычленении смысла суждений респондента, а на объяснительных теоретических принципах и идеях.
- Теоретическая валидность уже выходит за пределы конкретных описаний

и интерпретаций, она непосредственно связана с теоретическими построениями исследователя. Теоретическая валидность распадается на две составляющих: валидность используемых понятий, которые применяются к данной теме, и валидность постулируемых отношений между этими понятиями. Первый тип отчасти соотносится с конструктивной или теоретической валидностью (Kirk, Miller, 1986), второй – с внутренней валидностью.

Кроме того, выделяются еще два дополнительных критерия.

- Обобщаемость. Логика обобщения в качественных исследованиях предполагает создание теории (гипотезы), которая имеет смысл не только для конкретных личностей и ситуаций, но распространяется и на другие, более широкие контексты. В качественном исследовании специфика обобщения определяется «целевыми» и «теоретическими», а не рандомизированными выборками. Выделяются внутренняя обобщаемость (обобщение на сообщества, группы, институции, которые собственно изучались в данном случае) и внешняя обобщаемость (обобщение на другие сообщества, группы и институции).
- Оценочная валидность предполагает рассмотрение оценок изучаемых явлений или событий. Максвелл мало говорит об этом критерии, считая, что он не отличается от правил оценки в других исследовательских подходах и не является основополагающим в качественных исследованиях, как описательная, интерпретативная и теоретическая валидность. Однако проблема включения социальных и этических оценок в качественный анализ окажется весьма значимой в критических исследованиях, о которых будет сказано ниже.

Максвелл пишет: принцип валидизации заключается в «исключении специфических правдоподобных альтернатив и угроз вашим интерпретациям и объяснениям. Ссылки на авторитеты и обращение к стандартным критериям менее важны, чем проведение четкой аргументации, описанные подходы адекватно справятся с отдельными угрозами в вопросе, в контексте которого предполагается провести исследование» (Maxwell, 2005, С. 107). Таким образом, критерий

валидности концептуализуется в угрозах валидности, которые выступают в роли альтернативных объяснений полученным выводам, т.е. мы не верифицируем выводы, а тестируем их валидность с точки зрения потенциальных угроз и других возможных интерпретаций.

Другой вариант реалистической критериальной системы разработал С. Квале (Квале, 2009). Квале вводит критерий конструктивной валидности, заимствованный им из психодиагностики. Он расширяет традиционное понимание конструктивной валидности и переформулирует его с конструкционистских позиций. Свою позицию он характеризует, как «очень мягкий» вариант постмодернизма, который отвергает понятие универсальной истины, но допускает существование конкретных локальных истин для данной личности или сообщества. Конструктивная валидность – это не стандарт, а процесс исследования как выработки набора интерпретаций, аргументации и обоснования логической связи между данными, которое призвано убедить экспертное сообщество в их правдоподобности.

Квале принимает принцип фальсификации гипотез К. Поппера и, опираясь на него, определяет процесс валидизации как выбор «между соперничающими интерпретациями, которые могут быть опровергнуты вопросом проверки и выдвижения аргументов в пользу сравнительной надежности тех или иных соперничающих знаний» (Квале, 2009, С. 238). Нет ригидного, раз и навсегда установленного стандарта «хорошего исследования», валидность всегда социально конструируется и выносится на суд профессионального сообщества. К критериям валидности относятся исследовательская, коммуникативная и прагматическая валидность – за подробным разъяснением о них отправляем читателя к книге самого Квале.

Традиционные критерии валидности сохраняются и в методе обосновывающей теории, хотя современный лидер этого подхода К. Чармаз обосновала его с точки зрения конструкционизма и должным образом обновила стандарты оценивания (Charmaz, 2006), о чем мы скажем ниже. В варианте этого метода, который представлен в книге А. Страусса и Дж. Корбин, предлагается оценивать, во-первых, валидность, достоверность и надежность данных, во-вторых, адек-

ватность и аргументированность исследовательского процесса «порождения теории» и, в-третьих, степень эмпирической обоснованности результатов

Следует упомянуть интересный опыт синтеза критериальных систем, предпринятый М. Майлсом и А. М. Хабержманом (Miles, Huberman, 1994). Эти авторы не всегда последовательно объединяют различные позиции, ибо многие приводимые ими критерии создавались исходя из сложно совместимых теоретических традиций, и едва ли они могут быть однозначно соотнесены друг с другом

(Страусс, Корбин, 2001). При этом сама многоступенчатая процедура кодирования данных и построения теории становится формой контроля качественного анализа.

В завершение следует упомянуть интересный опыт синтеза критериальных систем, предпринятый М. Майлсом и А.М. Хабержманом (Miles, Huberman, 1994). Эти авторы не всегда последовательно объединяют различные позиции, ибо многие приводимые ими критерии создавались на основе сложно совместимых теоретических традиций (о которых мы скажем позже) и едва ли они могут быть однозначно соотнесены друг с другом. Но, так или иначе, приводим все эти критерии пока без пояснений:

- объективность/подтверждаемость (objectivity/confirmability);
- надежность/включенность в контекст/доступность reliability/dependability/auditability);
- внутренняя валидность/правдоподобность/аутентичность (internal validity/credibility/authenticity);
- внешняя валидность/переносимость/слаженность (external validity/transferability/fittingness);
- утилизация/приложимость/ориентация на действие (utilization/application/action orientation).

Резюмируем. Уже при обсуждении первой критериальной системы нам пришлось столкнуться с терминологической путаницей и пересечением различных понятий, содержание которых далеко не всегда совпадает. Все же мы можем выделить ряд черт, которые объединяют рассмотренные позиции – при всей условности такого обозначения – как реалистические. Некоторые авторы пытаются соотнести идеи критического реализма и конструирования реальности, сохраняя классические критерии (и сами названия) валидности, но адап-

тируют их к нуждам качественных исследований. Ключевой принцип, позволяющий «реалистам» контролировать «субъективные» влияния в анализе, –

это фальсификация гипотез, стратегия «предположений и опровержений», которая означает рациональное обоснование выбора между соперничающими интерпретациями. За таким пониманием валидности стоит фаллибилистическая установка, заданная в классических работах Д. Кэмпбелла – К. Поппера и утверждающая подверженность научного познания различным ошибкам. Хотя фаллибилизм признается в современной литературе началом любых обсуждений качества качественных исследований (Seale, 1999), мы сталкиваемся с важными сдвигами в понимании самой эпистемологии науки, которая далеко уводит нас от позиций критического реализма.

Проект конструкционистской критериальной системы

Если сторонники предыдущего подхода сохраняли критерий валидности, общий как для количественных, так и для качественных исследований, то авторы, о которых пойдет речь в этом разделе, занимают более радикальные позиции – они предлагают отказаться от традиционного критерия объективности и валидности и ввести совершенно новые, специфичные для качественного исследования стандарты. Проблема валидности формулируется как проблема качества исследования (Flick, 2007). Такой шаг объясняется, в частности, стремлением дистанцироваться от естественнонаучной модели научного объяснения, с которой якобы ассоциируется понятие валидности. Как можно догадаться из подзаголовка, философскими предпосылками данного проекта оценки валидности качественного исследования выступили основные положения и идеи социального конструкционизма. Хотя критический реализм признает механизм конструирования знания о реаль-

ном мире, обсуждаемые в настоящем подразделе авторы придерживаются антифундаменталистской позиции, т.е. отказываются от признания единственного «истинного» основания для построения научного знания. Кроме того, в конструкционистских критериях акцентируется прагматический аспект исследования и включенность последнего в социальные и политические изменения.

Наиболее влиятельным проектом, выполненным в этом русле, стала критериальная система, предложенная И. Линкольн и Э. Губой (Lincoln, Guba, 1985)

Вводимые авторами критерии являются «параллельными» классическим. Основным критерием выступает достоверность (trustworthiness), которая раскладывается на четыре категории: подтверждаемость, включенность в контекст, правдоподобность, переносимость

и иногда называемая «интерпретативной критериологией» (Seale, 1999). Критерии эти ранее анализировались в русскоязычной литературе (Бусыгина, 2013, Войскунский, Скрипкин, 2001, Мельникова, 2007). Кратко обозначим их основные моменты. Вводимые авторами критерии, по их словам, являются «параллельными» классическим. Основным критерием выступает достоверность (trustworthiness), которая раскладывается на четыре категории:

- подтверждаемость (confirmability) – соотносима с объективностью;
- включенность в контекст (dependability) – надежность;
- правдоподобность (credibility) – внутренняя валидность;
- переносимость (transferability) – внешняя валидность.

Кроме того, Линкольн и Губа предлагают критерий аутентичности (authenticity) (Lincoln, Guba, 1985, Guba, Lincoln, 2005). Аутентичность показывает насколько используемые стратегии анализа подходят для достоверного изложения идей, высказанных респондентами. К нему относятся:

- честность (fairness) – условно говоря, открытость исследования, получение признания со стороны участников, принятие социального контекста, в котором участники исследования живут и работают;
- онтологическая аутентичность (ontological authenticity) – достижение осознания участниками исследования себя как человека;

- образовательная аутентичность (educative authenticity) – достижение осознания участниками исследования того, как они понимают других людей и принимают чужие точки зрения;
- каталитическая аутентичность (catalytic authenticity) – оценка того, насколько исследовательские методы стимулируют принятие решений и новых форм социального действия;
- тактическая аутентичность (tactical authenticity) – активная помощь участникам исследования в претворении этих решений и действий в жизнь.

Конструкционистские критерии, предложенные Губой и Линкольн, в значительной степени изменяют представления о критериях валидности исследования. Точнее, речь идет не о критериях и не о валидности в строгом смысле этих понятий, а о мыслительных и мировоззренческих ориентирах познания, которые позволяют нам оценивать включенность нашего анализа в контекст социальных изменений, степень, в которой он помогает ответить участникам исследования на значимые для них философские и экзистенциальные вопросы.

Такая позиция является важным современным трендом, тем не менее, хотелось бы отметить актуальность поздних размышлений С.Л. Рубинштейна, который предостерегал против сведения этики к политике, а человека – к только лишь одним общественным отношениям. Превращение общественных отношений в сущность человека «разрушает природное в человеке и, его природные связи с миром и тем самым, то содержание его духовной, душевной жизни, которое выражает его субъективное отношение, отражающее эту его природную связь с миром и людьми. Пафос делания, переделки хорош как альтернатива всеприемлющей пассивности», но при этом должно оставаться «чувство первозданности, нерукотворности, изначальности – «не сделанное», «не сфабрикованное», естественно сложившееся» (Рубинштейн, 2012, С. 120).

Несмотря на то, что критерии Линкольн и Губы были предложены более

двадцати лет назад, они до сих пор остаются своего рода «золотым стандартом» и приводятся едва ли не во всех руководствах по качественным методам исследований. В то же время, они стали стимулом для новых дискуссий и многие авторы предложили свои критерии оценки качества исследований.

После публикации работы Линкольн и Губы намечается тенденция максимально расширять понимание валидности и включать в него современные идеи и концепты. В этом смысле говорят о трансгрессивных формах валидности. Если обратиться к постмодернистским метафорам, то можно сказать, что трансгрессия «надевает маски» на критерий валидности и делает его «игрой различий» (Scheurich, 1997). П. Латер вводит новые «трансгрессивные» типы валидности, к которым относятся симулякрная или ироническая валидность (очевидная отсылка к идеям Ж. Бодрийяра), паралогическая или неопрагматическая валидность (Ж.-Б. Лиотара), ригорическая или ризоматическая валидность (Ж. Деррида) и чувственная или ситуативная валидность (voluptuos/situated validity) (Lather, 1993). Как видно из названий, традиционный критерий валидности перестает быть «режимом истины» (ibid., P. 674) и в значительной степени размывается.

Другой вариант решения проблемы связан с переосмыслением валидности в терминах конвенции различных «аудиторий» и «интерпретативных сообществ» (Merrick, 1999). Качество качественного исследования рассматривается как результат конвенции – соглашения между экспертами и согласования их интерпретаций. Для иллюстрации такого подхода можно обратиться к статье В. Стайлса (Stiles, 1993). Он предлагает различать два типа валидности:

- валидность как соответствие или согласование новых наблюдений и интерпретаций с моим личным исследовательским пониманием проблемы;
- валидность как изменение понимания данных, обусловленное работой с новыми наблюдениями и интерпретациями.

Эти типы валидности оцениваются представителями трех возможных аудиторий: читателями, респондентами и самими исследователями. Критерий валидности как соответствия-согласования распадается на три условных составляющих:

- связность (coherence) – оценка логичности и качества интерпретаций читателями;
- свидетельствующая валидность (testimonial validity) – оценивание адекватности интерпретаций самими участниками исследования;
- консенсус/стабильность/репликация (consensus/stability/replication) – совместное обсуждение своих интерпретаций с коллегами-исследователями.

Критерий валидности как изменения или роста понимания данных рассматривается с точки зрения трех аудиторий следующим образом:

- степень раскрытия и само-свидетельства (uncovering and self-evidence) – оценка плодотворности и «слаженности» данных читателями;
- каталитическая валидность (catalytic validity) – оценка степени того, насколько исследование фокусируется на участниках, переориентирует их и побуждает к действиям;
- рефлексивная валидность (reflexive validity) – рефлексия того, как теоретические взгляды или способ мышления исследователя меняется по ходу работы с данными.

Стайлс вводит еще один дополнительный критерий – критерий проницаемости (permeability), подразумевающий открытость исследователя новым инсайтам. Здесь он опередил свое время – сегодня открытость инновациям и оригинальным исследовательским идеям считается неотъемлемой чертой хорошего качественного анализа (McLeod, 2001).

С опорой на принцип интерсубъективности и конвенционализма критерии качества формулируются и сегодня, например, в работе Л. Ярдли (Yardley, 2008), которая снискала успех у многих современных исследователей. Критерии валидности, рассуждает автор, не являются набором ригидных правил, они не могут гарантировать хорошего исследования. Предлагаемые критерии представляют собой скорее творческие ориентиры для исследовательской работы и направлены не на то, как оценить ее качество, а на то, что именно следует оценивать. Выделяются четыре критерия качества:

- контекстуальная чувствительность (sensitivity to context) – изучение литературы по теме исследования, социо-культурного окружения, личных

перспектив участников, этических сложностей, конкретных эмпирических данных;

- ответственность и строгость (commitment and rigour) – тщательный сбор эмпирических данных, сочетание глубины и широты анализа, наличие соответствующих методологических компетенций и умений, глубокое ознакомление с темой и основными вопросами исследования;
- связность и прозрачность (coherence and transparency) – ясность и сила приводимых аргументаций, соответствие теоретического подхода и метода работы с данными, прозрачное представление данных и работы с ними, наличие рефлексивной позиции исследователя;
- степень воздействия и значимость (impact and importance) – оценка практической, прикладной, теоретической и социо-культурной значимости проведенного исследования.

Л. Ярдли обосновывала свои критерии, исходя из опыта практиче-

Предлагаемые критерии представляют собой скорее творческие ориентиры для исследовательской работы и направлены не на то, как оценить ее качество, а на то, что именно следует оценивать

ских исследований в области психологии здоровья и болезни. Другие авторы предприняли иной, но не менее амбициозный проект – обобщение опыта современной литературы по проблемам валидности в целом (Elliott, Fischer, Rennie, 1999). Ими были изучены более сорока стандартов оценки качества, общие списки обсуждались в дискуссионных группах, а затем выносились на суд ведущих качественных исследователей-практиков.

Всего предлагаются два блока критериев. Первый блок включает в себя критерии, общие как для качественного, так и для количественного исследования. К ним относятся:

- экспликация научного контекста и целей исследования (explicit scientific context and purpose);
- выбор соответствующих целей методов (appropriate methods);
- уважение к участникам (respect for participants);
- специфичность метода, адекватность вопросам исследования (specification of methods);

- открытость исследования для дискуссий (appropriate for discussion);
- ясность презентации данных (clarity of presentation);
- оценка итоговых достижений с точки зрения прироста и увеличения научного знания (contribution to knowledge).

Во второй блок входят критерии валидности, специфичные именно для проведения и публикации качественного исследования:

- раскрытие определенной перспективы (owning one's perspective) – раскрытие авторами теоретических, методических и эмоционально-личностных позиций, занимаемых в отношении исследуемой темы, описание своего прошлого опыта работы с данным вопросом, личные мнения;
- описание выборки (situating the sample) – описание возраста, социальной, гендерной и этнической принадлежности респондентов, количества человек, удаленных из выборки с указанием причин этого;

- основанность на примерах (grounding in examples) – анализ и выводы должны иллюстрироваться конкретными примерами, данными, следует приводить как минимум два примера по каждой теме, рассматривать каждый отдельный случай в его целостности;

- проверка правдоподобности (providing credibility checks) – обеспечивается использованием нескольких способов работы с данными, триангуляции, представления отчета коллегам для возможных дополнений и замечаний, «супервизии» качественного исследования, а также привлечением количественных данных;

- связность (coherence) – структурированность, последовательность и аргументированность анализа, анализ должен выстраиваться как некая целостная история с использованием схем и таблиц;

- достижение общих или частных задач (accomplishing general – specific research tasks) – оценка того, отвечает ли исследование поставленной задаче общего

или конкретного, специфичного понимания изучаемого феномена;

- резонанс с читателями (*resonating with readers*) – прозрачность, ясность, аккуратность отчета, позволяющая его потенциальному читателю иметь возможность оценить адекватность представления и понимания темы.

Таким образом, данные критерии акцентируют внимание на циклическом характере качественного исследования, предполагающем постоянное возвращение от теоретических интерпретаций обратно к данным для достижения прозрачности анализа.

И. Штайнке, с присущей немецким научным текстам тщательностью, выделяет следующие критерии качества качественного исследования (Steinke, 2004):

- Интерсубъективная понятность (*intersubject comprehensibility*) означает возможность для любого читателя проследить ход исследования шаг за шагом и оценить его выводы. Она достигается за счет документации аналитического процесса и является условием работы со всеми последующими критериями. В качественном исследовании следует документировать: пред-понимания исследователя (его первичные гипотезы, ожидания, выбор того или иного метода и т.п.), методы сбора данных, контекст сбора данных (т.е. как были реально собраны материалы), правила транскрипции, методы анализа данных, источники информации (вербальные утверждения респондентов, запись значений их утверждений, общий контекст, наблюдения, гипотезы и интерпретации наблюдателя), проблемы, возникающие в ходе работы, их решения, критерии, по которым исследование будет оцениваться как удовлетворяющее поставленным задачам и целям.

- Отчет об исследовательском процессе (*indication of the research process*) раскладывается на следующие этапы: оценка качественной процедуры с точки зрения исследовательских вопросов (стоит ли их изучать именно качественными методами или для них более адекватны другие способы), обоснование выбора метода, обоснование правил транскрипции (системы транскрипции данных должны быть просты и удобны в письме, обучении

и интерпретации), обоснование выборки (ее целевого характера и степени «информативной насыщенности»).

- Связность (*coherence*) предполагает ответы на вопросы о том, является ли формулируемая теория (гипотеза) логически связанной, и нет ли каких-либо противоречий между данными и выдвигаемыми интерпретациями.
- Релевантность (*relevance*) связана с оценкой полезности исследования: является ли исследовательский вопрос значимым, предлагает ли исследование новые интерпретации и решения проблем, имеется ли возможность обобщения данных.
- Рефлексируемая субъективность (*reflected subjectivity*) предполагает анализ роли исследователя как субъекта познания (с его интересами, личными предположениями, стилями общения и предыдущим автобиографическим опытом) и как части социального мира, за которым он наблюдает и с которым взаимодействует. Рассматриваются такие темы, как: включение данных само-наблюдения в исследование, выявление личных пред-пониманий, влияние доверительных отношений с респондентами на дальнейший анализ, рефлексия того, как происходило «вхождение в поле».

Для полноты картины приведем еще три современных варианта обсуждения валидности качественного исследования.

К. Чармаз, признанный лидер и идеолог современной версии метода обосновывающей теории, который она подвела под конструкционистские основания, выделяет следующие критерии оценки качества исследования (Charmaz, 2006): правдоподобность (*credibility*), оригинальность (*originality*), резонанс (*resonance*) и полезность (*usefulness*).

Г. Шанк и О. Виллелла (Shank, Vilella, 2004) проанализировали 24 статьи по качественным исследованиям за период с 1992 до 2001 гг. Для анализа статей ими были сформулированы следующие четыре критерия: исследовательская глубина (*investigative depth*), адекватность интерпретаций (*interpretive adequacy*), богатство разъяснений (*illuminative fertility*) и отчетность об участии (*participatory accountability*). К ним добавляются еще слаженность (*consistency*), строгость (*rigor*), полнота кодирования (*coding*

completeness) и тематическое сокращение (*thematic reduction*).

С. Морроу (Morrow, 2005) считает достоверность (*trustworthiness*) основой для понимания качества исследования и предлагает четыре «трансцендентальных» критерия, названных так потому, что они «трансцендируют» над отдельными подходами и являются общими для качественных исследований (стоит отметить, что почти все авторы считают свои критерии универсальными). Первый критерий достоверности предполагает изучение социальной валидности или социальной ценности проекта. Второй критерий акцентирует внимание на способе представления субъективности или рефлексивной позиции исследователя, чтобы читатель мог определить степень влияния личных мнений исследователя на результаты. Третий критерий составляет адекватность данных, наличие «ярких» случаев, аккуратных полевых записей, использование более чем одного источника информации и т.д. Наконец, четвертый критерий – это адекватность интерпретации, отражающая, насколько исследователь глубоко «погружен» в данные, применяет ли специфические аналитические точки отсчета и записи, как «балансирует» между интерпретациями и прямыми словами участников исследования. Кроме того, Морроу считает возможным дополнять критерии в зависимости от теоретической позиции исследователя.

Таким образом, конструкционистские критериальные системы заменяют критерии валидности и надежности на качество, достоверность и аутентичность, акцентируя внимание на таких аспектах, как прозрачность, связность, логичность презентации данных и интерпретаций, экспликация пред-пониманий автора, оригинальность и социальная полезность анализа. Помимо введения совершенно новой терминологии, отличие конструкционистских критериальных систем от реалистических заключается в том, что последние, исходя из иной эпистемологии, опираются на принцип фальсификации гипотез и конкурирующих объяснений. Конструкционистские же критерии направлены на глубокое и максимально полное раскрытие различных субъективных позиций, «личностных перспектив» без их оценки как истинных или ложных. По-

ворить о качестве анализа можно в той степени, в какой читателю на протяжении исследования исследовательского процесса представлены элементы «хорошей практики».

Кроме того, эти критерии не есть стандарты оценки анализа *post factum*, а представляют собой мыслительные ориентиры, которые включаются в анализ *per se*, т.е. по сути. Критерии становятся идеальными средствами, призванными задать направление аналитической работе и ее рефлексии, причем они сами выступают предметом творческого осмысления и открыты для методологических инноваций. Но, как бы мы их не называли, проблема включения субъективного измерения в качественное исследование и опосредование им анализа остается актуальной и для антифундаменталистской позиции, которая лежит в основе почти всех современных критериальных систем. В конструкционизме средством такого опосредования выступила экспликация и полная документация исследователем логики своих рассуждений и умозаключений, вкупе с обширным цитированием прямых слов респондентов для отделения их позиций от смысловых интонаций автора отчета.

Проект критической критериальной системы

Итак, конструкционизм ввел измерение истины как политической полезности. Способность человека критически рефлексировать социальные условия своего существования и изменять общество для достижения своей свободы (принимать на себя роли агента изменений) становится основным объектом внимания в рамках критической социальной психологии. «Цели критической психологии предполагают включение открытой политической повестки дня, которая резко контрастирует с политической нейтральностью, характерной для дисциплины до недавних времен» (Tuffin, 2005, С. 3). В этих теориях критерии валидности были переформулированы с позиций изучения культуры, гендера и социального класса, а сама проблема влияния смысловых позиций исследователя на результаты анализа стала раскрываться с точки зрения опосредования его отношениями власти и идеологии, осуществляемыми в данном обществе.

Критерии не есть стандарты оценки анализа *post factum*, а являются мыслительными ориентирами, которые включаются в анализ *per se*, т.е. по сути

Критически ориентированная теория исторически прошла три этапа своего развития (Budd, 2008):

- 1 оформление основных идей во Франкфуртской школе;
- 2 их развитие в работах Ю. Хабермаса в контексте понятий коммуникативной рациональности и коммуникативных действий, направленных на формирование социального консенсуса путем обсуждения актуальных проблем;
- 3 дальнейшее осмысление критики Хабермаса инструментального разума и акцентирование тем историчности, идеологии и этики в научном познании (Хабермас, 2007).

В рамках критически ориентированных качественных исследований мы можем выделить, по крайней мере, три подхода к пониманию валидности.

Во-первых, в радикальном подходе к психологии, ярким представителем которого является Я. Паркер, проблема валидности кардинальным образом переосмысливается и фактически смыкается с проблемой критической рефлексии собственных умозаключений (Parker, 2005). Радикальный подход, по его словам, претендует на низложение и изменение того, как мы получаем психологические знания. Он позволяет «подняться» над психологией и с расстояния поразмышлять о положении ее дел через осмысление политического контекста исследований, формируемых в них особых социальных отношений, а также альтернативных и даже «маргинальных» для мейнстримной психологии теорий и парадигм (наподобие психоанализа Ж. Лакана).

Что же происходит с критериями объективности и валидности при таком подходе?

Объективность и валидность – это научные конструкции. Конструкт объективности представляется неудовлетворительным из-за того, что в качественном исследовании мы всегда привносим в анализ свои субъективные позиции, не боремся с субъективным, а, наоборот, работаем «заодно» с ним. Конструкт валидности также ставится под сомнение вследствие претензии на то, что разные репрезентации изучаемого явления

обязательно дадут его одинаковое видение (что противоречит конструкционистским принципам множественности истины и альтернативных, взаимодополнительных путей описания нашего субъективного опыта).

Взамен понятий объективности и валидности Паркер вводит «наводящие вопросы», которые призваны помочь провести грамотное исследование. Эти вопросы отражают рефлексивное отношение исследователя к своим умозаключениям. Повышенное внимание к рефлексивности характерно для конструкционизма, однако не будет преувеличением сказать, что критическая теория объявляет рефлексивность основным инструментом и гарантом качества всего анализа. Под рефлексией подразумевается «способ отслеживания институционального положения исторических и личностных сторон исследовательских отношений» (Parker, 2005, С. 25). Паркер не просто переформулирует старые критерии, а перечеркивает их в тексте.

- Критерий объективности заменяется таким вопросом: описаны ли теоретические источники, благодаря которым субъективность превращается в полезный инструмент, и как эти источники влияют на исследование?
- Критерий валидности – ясны ли способности, благодаря которым предлагаемый отчет дифференцируется и парадигмально отличается от других вещей, которые могли бы быть категоризованы наряду с ним?
- Критерий надежности – раскрыт ли процесс изменения понимания темы со стороны автора и людей и рассмотрено ли, как эти взгляды продолжают меняться?

В том же духе переформулируются критерии нейтральности, подтверждаемости (*confirmed*), определенности (*definitive*), установленности (*established*), связности (*coherent*), открытости для оценки (*accessible*) и психологичности. Крайне любопытным выглядит понимание последнего критерия «психологичности» исследования – раскрыта ли используемая теоретическая, методологическая система взглядов в

рамках психологии, как эта тема обычно понимается в психологии и какие последствия имеет проведенное исследование для психологии?

Во-вторых, в современной критической психологии формулируется оригинальный критерий психополитической валидности (Prilleltensky, Prilleltensky, Voorhees, 2009). Этот критерий находится на пересечении трех тем: подавления, освобождения и благополучия. В исследование вносится «вертикаль власти», т.е. оценка того, как отношения власти реализуются на индивидуальном, межличностном и групповом уровнях анализа. Психополитическая валидность определяется как степень оценки внимания к власти в понимании и изменении политического и психологического влияния на эмоциональное благополучие личности. Она раскладывается на два критерия. Если перевести их на традиционный для психологии язык, можно сказать, что первый оценивает диагностические исследования («эпистемологическая валидность»), а второй – исследования воздействия («трансформативная валидность»).

В-третьих, поскольку в современных качественных исследованиях наиболее характерной реализацией критической теории является, на наш взгляд, критический дискурс-анализ, то уместно обозначить его критерии оценки качества исследований. Критические дискурс-аналитики избегают говорить о критериях валидности, как избегают они и самого этого понятия, и сосредотачивают внимание на конкретных стратегиях устранения предвзятости и угрозы превращения анализа в обычное «политизирование». Фактически подчеркивается сугубо прагматический аспект – как можно провести «хороший» анализ. Здесь дискурс-аналитики обращаются к стратегии теоретической триангуляции, т.е. совмещения в рамках одного исследования нескольких теоретических позиций.

Но, даже, невзирая на возможности триангуляции «строгая объективность», как отмечают авторы, не может быть достигнута средствами дискурс-анализа. Для каждого такого анализа технология исследования должна быть сама изучена на предмет возможного включения верований и идеологий аналитика и, следовательно, необходимо «вывести

анализ за пределы предвзятых мнений» (Wodak, Meyer, 2009, P. 31-32).

Таким образом, рассмотренные в этом разделе теории, отражающие социально-критические тенденции в современных исследованиях, отказываются от классического критерия валидности и этот отказ обосновывается эпистемологическим своеобразием критической теории в психологии. Несмотря на то, что основной линией переформулировки стандарта качества является активное включение в него субъективно-рефлексивных позиций и измерений социальной власти, его сторонники испытывают общие для всех качественных исследований трудности, связанные с разведением интерпретаций самого аналитика и реконструируемого им идеологического дискурса.

Несомненное достоинство критического проекта заключается в его стремлении зафиксировать социально-историческое обрамление субъективного опыта и включить его в принципы качества проводимого исследования. Вместе с тем, существует опасность потери психологического понимания валидности и подмены его формальным критерием социальной и идеологической критичности. Дальнейшие попытки найти некие «внешние» критерии валидности приводят к их отождествлению с мерой того, насколько получаемые данные выразительны, «говорят сами за себя», т.е. с их эстетикой. Об этом поговорим ниже.

Проект эстетизации критериальной системы

Одна из ключевых идей социального конструкционизма и критической теории, привнесенных в качественные исследования, – идея сближения и объединения научного и художественного знания. Как верно отмечает Н.Б. Маньковская, «в контексте культуры постмодернизма искусство и наука подобны голове и хвосту змеи, с разных сторон взъискующих смысла жизни и природы, соединяющих воображаемый и реальный миры. Не заменяя друг друга, художник и ученый воспроизводят мир в его целостности» (Маньковская, 2009, С. 200). При анализе феномена эстетизации науки она обращается к концепциям М. Серра (о беспорядочном энциклопедизме как форме коммуникации между философией, научными дисци-

плинами и мифологией) и Ж.-Б. Лиотара (для которого воображение и театрализация становятся средствами от распада социальных связей в обществе и меркантилизации знания, превращения его в товар и продукт потребления). Критерием оценки знания становится его эстетическая выразительность, т.е., в сущности, форма художественного выражения неких смысловых содержаний. Красота – «обратное отражение и просвечивание в непосредственно данном, чувственном всего того важнейшего, что человек может выявить в мире и другом человеке» (Рубинштейн, 2012, С. 124). В настоящее время можно говорить о самостоятельном направлении качественных «исследований, основанных на искусствах» (arts-based research). Включение искусства и эстетики в качественные исследования означает смещение фокуса внимания от поиска субъективных значений и переживаний к формам их творческого созидания и выражения. Таким формами являются нарратив как литературное повествование, поэзия, коллажи, фотография (Butler-Kisber, 2010) и даже танец (Stinson, Dils, 2008). Одной из стратегий качественного исследования Герген называет театрализованное представление, т.е. опыт инсценировки и разыгрывания значимых тем и социальных отношений (Gergen, 2009). Такие представления помогают облегчить понимание социальных конструкций через конкретные действия – «для того, чтобы понять нечто, нужно это сделать».

Осознавая неоднозначность и известного рода экстравагантность такого подхода к организации качественного исследования, мы хотели обратить внимание читателя на тот факт, что обращение к эстетике не является для психологии чем-то новым. Достаточно указать на классические исследования и этюды У. Джеймса, З. Фрейда, Л.С. Выготского, материалом для которых становилось художественное творчество. Правомернее было бы говорить о переосмыслении места эстетического опыта в структуре психологического знания вкупе с разработкой четких, если это возможно при изучении художественного символизма, его аналитических схем и концепций.

К. Сеале отмечает, что эстетическая привлекательность научного текста является одной из важных составляющих

его качества (Seale, 1999). За внимание к эстетической стороне исследования высказываются и такие авторы, как М. Салнер (Salner, 1989) и С. Квале (Kvale, 1989). Они опираются на идеи Канта о разделении трех сфер опыта, независимых друг от друга: теоретического, практического, эстетического.

При всей привлекательности эстетической перспективы обсуждения валидности нам приходится, увы, констатировать здесь ряд сложностей методологического толка. Дело заключается не столько в трудно формализуемом характере оценки «художественной выразительности» качественных исследований, сколько в логической противоречивости такого подхода с точки зрения их же философских оснований. Коль скоро качественные методы реализуют конструкционистский тип мышления, то возникает вопрос об универсальности эстетического опыта и его культурно-исторических форм.

Кроме того, что эстетическая символизация опыта приобретает в истории искусства различные, отличные друг от друга типологические формы и характеристики, она может к тому же серьезно исказить наше восприятие чужих культур. Такие эстетические средства, как фотография или видео не являются просто пассивными «записывающими» медиа-средствами, они оформляют наше восприятие социальных событий и различных культур. Поэтому «нам действительно следует быть очень осторожными в наложении, как эстетического критерия, так и эстетической способности на наши представления об окружении, культуре и действующих лицах (actors), пренебрегая при этом локальными, местными формами представлений, посредством которых культура, ее структура и действия поддерживаются в повседневной жизни» (Atkinson, Delamont, 2005, P. 835). Эстетический критерий валидности парадоксальным образом сам превращается в предмет научного изучения как культурный феномен.

Проект отказа от критериальной системы

Итак, дальнейшее размывание критерия валидности качественного исследования, которое мы наблюдали при попытках рассмотреть его либо с точки зрения социально-политических отношений в обществе, либо с точки зрения

эстетической выразительности данных, закономерно приводит к идее отказа от формулирования правил оценивания его качества. Такая позиция является реализацией крайнего релятивизма, характерного для радикальных форм социального конструкционизма, отчасти методологического анархизма (П. Фейерабенда) и сводится, как минимум, к трем линиям аргументации.

Во-первых, постмодернистская точка зрения заведомо предполагает, что критерии невозможно привести к фиксированной системе (Richardson, St. Pierre, 2005, Smith, 1984).

Во-вторых, как считает Шоттер, разделяемое исследователями предположение о том, что мир социально конструирован, несовместимо со стандартами оценки каких-либо эпистемологических утверждений и заявлений, ибо такой взгляд приводит к отказу от принципиальных идей социального конструкционизма (Shotter, 1990), т.к. стандарты «переформируют» действительность и сведут ее к однозначной «монополизированной» конструкции.

В-третьих, как отмечает Н. Дензин, современная постмодернистская этнография характеризуется, в том числе, и тем, что исследователи пишут свои тексты от первого лица единственного числа и, таким образом, преодолевается различие между наблюдателем и наблюдаемой реальностью, а, значит, нет нужды озадачиваться вопросами валидности и надежности исследования (Denzin, 1990).

Мы считаем такой радикальный отказ от поиска критерия непродуктивным, ибо качественные исследования не могут существовать без критериев оценки (Steinke, 2004). Отказ от критериев приводит к усугублению проблемы самоопределения качественных исследований в рамках научного и профессионального сообщества, проблемы актуальной и сегодня, а главное, не дает профессионалам-практикам и читателям понять – каким же наблюдениям и результатам можно доверять. Идеи конструкционизма являются эпистемологической базой для понимания качества качественных исследований и, хотя последние часто называют «искусством» или «стилем мышления», а не конкретной научной практикой, эта их творческая специфика должны быть осмыслена и «встроена» в современные научные подходы.

Выводы по критериальным системам

Проведенный нами теоретико-методологический анализ показывает, что для всех критериальных систем остается первоочередным вопросом о включенности субъективных «предмнений» в процесс качественного исследования. Общее решение этой проблемы, характерное для всех рассмотренных предложений, заключается в том, что мы совсем не устраняем субъективность из исследования, а включаем и пытаемся проконтролировать ее. Тогда проблема валидности качественного исследования должна быть определенным образом переформулирована, чтобы на первый план вышла личность его автора, который парадоксально выступает в роли основного инструмента качественного анализа.

В свете культурно-исторической теории Л.С. Выготского проблема субъективности в качественной методологии переформулируется как проблема опосредованности анализа дискурсивными ресурсами и смысловыми позициями исследователя. Различные критерии или проекты критериальных систем являются мысленными инструментами опосредования и экспликации этих позиций. В реалистическом проекте таким инструментом становится фальсификация конкурирующих интерпретаций, в конструкционистском – презентация различных познавательных перспектив и максимально полного отчета об исследовании с обширными ссылками и цитатами из высказываний респондента, а также обозначение социальной полезности анализа. В критическом проекте – рефлексия отношений идеологии и власти, проводимых в обществе, а в эстетическом – художественная выразительность данных. Во всех четырех проектах и их критериях всегда встает вопрос об обнаружении, раскрытии и обосновании авторской рефлексивной позиции, хотя формы ее экспликации могут быть различны. Таким образом, наконец-то намечается путь «узаконивания» места субъективности в качественном исследовании через культурно-исторический принцип знакового (дискурсивного) и смыслового (рефлексивного) опосредования анализа.

В завершение настоящей статьи мы хотели бы представить сформулированные нами критерии валидности качественных

исследований в психологии, которые опираются, как на проведенный анализ различных критериальных систем, так и на наш практический опыт работы с качественными методами. Общий принцип построения авторской системы валидности – соотношение критериев и различных уровней или этапов качественного исследования (Мельникова, Хорошилов, 2010).

Критерии валидности планирования исследования и сбора данных:

1. предварительная экспликация теоретических позиций, опыта работы в заявленной исследовательской сфере и личностных представлений об изучаемой теме;
2. обоснованность выбора качественного подхода к изучению данной проблемы;
3. обоснованность формирования выборки, методов сбора и обработки данных;
4. систематическое описание контекста и условий исследования («поля»);

5. систематическое описание диалогических отношений с респондентами.

Критерии валидности анализа данных:

1. аргументированность, логичность и связность анализа;
2. обоснование четких взаимосвязей между аналитическими умозаключениями и конкретными данными;
3. разделение фактических описаний, смысловых обобщений и теоретических интерпретаций данных;
4. реконструкция всех смысловых позиций, представленных в «сырых» данных, и адекватное их представление для читателя;
5. стилистическая, риторическая, дискурсивная грамотность анализа.

Критерии валидности интерпретации данных:

1. опосредованность теоретических интерпретаций аналитическими категориями, сконструированными, исходя из «сырых» данных;

2. представленность в отчете авторской рефлексивной позиции;
3. социальная полезность и критический потенциал анализа;
4. оригинальность и инновативность предлагаемых интерпретаций;
5. возможность вывести практические импликации из исследования.

Критерии валидности презентации данных:

1. прозрачность и выразительность представления данных;
2. открытость данных для обсуждения профессиональным сообществом;
3. открытость данных для обсуждения читателями;
4. раскрытие изменений понимания и рефлексивной работы исследователя;
5. оценка возможности обобщений и решения социальных проблем.

Критерии этической валидности:

1. проведение через исследование идей «открытого общества» и гуманизма.

Литература:

- Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии / Н.П. Бусыгина. – Москва : ИНФРА-М, 2013.
- Войсунский А.Е. Качественный анализ данных / А.Е. Войсунский, С.В. Скрипкин // Вестник Московского Университета. – Серия 14. Психология. – 2001. – № 2. – С. 93-109.
- Квале С. Исследовательское интервью / С. Квале. – Москва : Смысл, 2009.
- Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбэлл. – Москва : Прогресс, 1980.
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Серия 14 Психология. – 2013. – № 3. – С. 4-18.
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Предмет качественного исследования как методологическая проблема социальной психологии // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 50-62.
- Маньковская Н.Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс / Н.Б. Маньковская. – Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2009.
- Мельникова О.Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование / О.Т. Мельникова. – Москва : Аспект Пресс, 2007.
- Мельникова О.Т. Уровни анализа данных качественного исследования / О.Т. Мельникова, Д.А. Хорошилов // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 12-19.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2012.
- Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страус, Дж. Корбин. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001.
- Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хаберман. – Москва : Практика, 2007.
- Atkinson P., Delamont S. Analytic perspectives // The Sage handbook of qualitative research. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. – p. 821-840.
- Budd J.M. Critical theory // The Sage encyclopedia of qualitative research methods. Ed. by L.M. Given. Vol. 1. – Thousand oaks, CA: Sage, 2008. – p. 174-179.
- Butler-Kisber L. Qualitative inquiry: thematic, narrative and arts-informed perspectives. – L.: Sage, 2010.
- Charmaz K. Constructing grounded theory: a practical guide through qualitative analysis. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2006.
- Denzin N.K. Review essay: the interpretive post-modern ethnography // Journal of Contemporary Ethnography. – 1990. – 2. – p. 231-236.
- Elliott R., Fischer C.T., Rennie D.L. Evolving guidelines for publication of qualitative research studies in psychology and related fields // British Journal of Clinical Psychology. – 1999. – 38. – p. 215-229.
- Flick U. Managing quality in qualitative research. – L.: Sage, 2007.
- Gergen K.J. An invitation to social construction. – L.: Sage, 2009.
- Guba E.G., Lincoln Y.S. Paradigmatic controversies, contradictions and emerging confluences // The Sage handbook of qualitative research. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. – Thousand Oaks: Sage, 2005. – p. 191-216.

- Kirk J., Miller M.L. Reliability and validity in qualitative research. – Newbury Park: Sage, 1986.
- Kvale S. To validate is to question // Issues of validity in qualitative research. Ed. by S. Kvale. – Lund: Studentlitteratur, 1989. – p. 73-92.
- Lather P. Fertile Obsession: Validity after Poststructuralism // Sociological Quarterly. – 1993. – 34. – p. 673-693.
- LeCompte M.D., Goetz J.P. Problems of reliability and validity in ethnographic research // Review of Educational Research. – 1982. – 52. – 1. – p. 31-60.
- Lincoln Y.S., Guba E.G. Naturalistic inquiry. – L.: Sage, 1985.
- Maxwell J. A. Qualitative research design: an interactive approach. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
- Maxwell J. A. Understanding and validity in qualitative research // The qualitative researcher's companion. Ed. by A. M. Huberman, M. B. Miles. – London, Sage, 2002. – p. 37-64.
- McLeod J. Qualitative Research in Counselling and Psychotherapy. – L.: Sage, 2001.
- Merrick E. An exploration of quality in qualitative research: are "reliability" and "validity" relevant? // Using qualitative methods in psychology. Ed. by M. Kopala, L.A. Suzuki. – Thousand Oaks, CA: 1999. – p. 25-36.
- Miles M.B., Huberman A.M. Qualitative data analysis: an expanded sourcebook. – Thousand Oaks, California: Sage, 1994.
- Mishler E.G. Validation in inquiry-guided research: the role of exemplars in narrative studies // Harvard Educational Review. –1990. – 60. – 4. – p. 415-442.
- Morrow S. L. Quality and trustworthiness in qualitative research in counseling psychology // Journal of Counseling Psychology. –2005. – 52. – p. 250-260.
- Parker I. Qualitative psychology: introducing radical research. – Buckingham: Open University Press, 2005.
- Patton M.Q. Qualitative research and evaluation methods. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2002.
- Prilleltensky I., Prilleltensky O., Voorhees C. Psychopolitical validity in the helping professions: applications to research, interventions, case conceptualization and therapy // Liberatory psychiatry: towards a new psychiatry. Ed. by C. Cohen, S. Tamiami. – NY: Cambridge University Press, 2009. – p. 105-130.
- Richardson L., St. Pierre E.A. Writing: a method of inquiry // The Sage handbook of qualitative research. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln Y.S. – Thousand Oaks: Sage, 2005. – p. 959-978.
- Salner M. Validity in human science research // Issues of validity in qualitative research. Ed. by S. Kvale. – Lund: Studentlitteratur, 1989. – p. 47-72.
- Scheurich J.J. Research method in the postmodern. – L.: The Falmer Press, 1997.
- Seale C. The quality of qualitative research. – L.: Sage, 1999.
- Shank G., Vilella O. Building on new foundations: core principles and new direction for qualitative research // Journal of educational research. –2004. – 98. – 1. – p. 46-55.
- Shotter J. Knowing of the third kind. – Utrecht: ISOR, 1990.
- Smith J.K. The problem of criteria in judging interpretative inquiry // Educational Evaluation and Policy analysis. –1984. – 6. – p. 379-391.
- Steinke I. Quality criteria in qualitative research // A companion to qualitative research. Ed. by U. Flick, E. von Kardorff, I. Steinke. – L.: Sage, 2004. – p. 184-190.
- Stiles W.B. Quality control in qualitative research // Clinical psychology review. –1993. – 13. – p. 593-618.
- Stinson S.W., Dils A. Dance in qualitative research // The Sage encyclopedia of qualitative research methods. Ed. by L.M. Given. Vol. 1. – Thousand oaks, CA: Sage, 2008. – p. 183-185.
- Tuffin K. Understanding critical social psychology. – L.: Sage, 2005.
- Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology // Methods of critical discourse analysis. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. – L.: Sage, 2009. – p. 1-33.
- Yardley L. Demonstrating validity in qualitative psychology // Qualitative psychology: a practical guide to research methods. Ed. by J.A. Smith. – London, Sage, 2008. – p. 235-251.

References:

- Atkinson, P., & Delamont S. (2005) Analytic perspectives. The Sage handbook of qualitative research. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks, CA, Sage, 821-840.
- Budd, J.M. (2008) Critical theory. The Sage encyclopedia of qualitative research methods. Ed. by L.M. Given. Vol. 1. Thousand Oaks, CA, Sage, 174-179.
- Butler-Kisber, L. (2010) Qualitative inquiry: thematic, narrative and arts-informed perspectives. L., Sage.
- Campbell, D. (1980) Model experiments in social psychology and applied research. Moscow, Progress.
- Charmaz, K. (2006) Constructing grounded theory: a practical guide through qualitative analysis. Thousand Oaks, CA, Sage.
- Corbin, J. Moscow, Editorial URSS.
- Habermas, J. (2007) Tekhnika i nauka kak 'ideologiya' [Technology and science as «ideology»]. Moscow, Praksis.
- Denzin, N.K. (1990) Review essay: the interpretive post-modern ethnography. Journal of Contemporary Ethnography. 196 2, 231-236.
- Elliott, R., Fischer, C.T., & Rennie, D.L. (1999) Evolving guidelines for publication of qualitative research studies in psychology and related fields. British Journal of Clinical Psychology. 38, 215-229.
- Flick, U. (2007) Managing quality in qualitative research. L., Sage.
- Gergen, K.J. (2009) An invitation to social construction. L., Sage.
- Guba, E.G., & Lincoln, Y.S. (2005) Paradigmatic controversies, contradictions and emerging confluences. The Sage handbook of qualitative research. Ed. by Denzin, N.K., Lincoln, Y.S. Thousand Oaks, Sage, 191-216.
- Kirk, J., Miller. M.L. (1986) Reliability and validity in qualitative research. Newbury Park, Sage.
- Khoroshilov, D.A. Voprosy psikhologii [Issues psychology]. № 3, 12-19.

- Kwale, S. (1989) To validate is to question. Issues of validity in qualitative research. Ed. by Kvale, S. Lund: Studentlitteratur, 73-92.
- Kwale, S. (2009) Issledovatel'skoe interv'ju [Exploratory interviews]. – Moscow, Smysl.
- Lather, P. (1993) Fertile Obsession: Validity after Poststructuralism. *Sociological Quarterly*. 34, 673-693.
- LeCompte, M.D., & Goetz, J.P. (1982) Problems of reliability and validity in ethnographic research. *Review of Educational Research*. 52, 1, 31-60.
- Lincoln, Y.S., Guba, E.G. (1985) *Naturalistic inquiry*. L., Sage.
- Mankovskaya, N.B. (2009) Fenomen postmodernizma. Hudozhestvenno-jesteticheskij rakurs [Postmodern phenomenon. Artistic and aesthetic angle]. Moscow, St. Petersburg, Centre for Humanitarian Initiatives: University Book.
- Maxwell, J.A. (2005) *Qualitative research design: an interactive approach*. Thousand Oaks, CA, Sage.
- Maxwell, J.A. (2002) Understanding and validity in qualitative research. *The qualitative researcher's companion*. Ed. by Huberman, A.M., & Miles, M.B. London, Sage, 37-64.
- McLeod, J. (2001) *Qualitative Research in Counselling and Psychotherapy*. L., Sage.
- Melnikova, O.T. (2007) Fokus-gruppy: metody, metodologija, moderirovanie [Focus groups: methods, methodology, moderation]. Moscow: Aspekt Press.
- Melnikova, O.T., & Khoroshilov, D.A. (2013) Metodologicheskie printsipy kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodological principles of qualitative research in psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Series 14 Psychology. 3, 4-18.
- Melnikova, O.T., & Khoroshilov, D.A. (2013) Predmet kachestvennogo issledovaniya kak metodologicheskaya problema sotsial'noy psikhologii [The subject of qualitative research as a methodological problem of social psychology]. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal [National psychological journal]*. 1 (9), 50-62.
- Melnikova, O.T. (2010) Urovni analiza dannyh kachestvennogo issledovaniya [Levels of data analysis qualitative research]. Melnikova, O.T., Merrick, E. (1999) An exploration of quality in qualitative research: are «reliability» and «validity» relevant? Using qualitative methods in psychology. Ed. by Kopala, M., & Suzuki, L.A. Thousand Oaks, CA, 25-36.
- Miles, M.B., & Huberman A.M. (1994) *Qualitative data analysis: an expanded sourcebook*. Thousand Oaks, California, Sage.
- Mishler, E.G. (1990) Validation in inquiry-guided research: the role of exemplars in narrative studies. *Harvard Educational Review*. 60, 4, 415-442.
- Morrow, S.L. (2005) Quality and trustworthiness in qualitative research in counseling psychology. *Journal of Counseling Psychology*. 52, 250-260.
- Parker, I. (2005) *Qualitative psychology: introducing radical research*. Buckingham, Open University Press.
- Patton, M.Q. (2002) *Qualitative research and evaluation methods*. Thousand Oaks, CA, Sage.
- Prilleltensky, I., Prilleltensky, O., & Voorhees, C. (2009) Psychopolitical validity in the helping professions: applications to research, interventions, case conceptualization and therapy. *Liberatory psychiatry: towards a new psychiatry*. Ed. by C. Cohen, S. Tamiami. NY, Cambridge University Press, 105-130.
- Richardson, L., & St. Pierre, E.A. (2005) Writing: a method of inquiry. *The Sage handbook of qualitative research*. Ed. by Denzin, N.K., & Lincoln, Y.S. Thousand Oaks, Sage, 959-978.
- Rubinstein, S.L. (2012) *Chelovek i mir [Man and the World]*. St. Petersburg: St. Petersburg.
- Salner, M. (1989) Validity in human science research. Issues of validity in qualitative research. Ed. by Kvale, S. Lund: Studentlitteratur, 47-72.
- Scheurich, J.J. (1997) *Research method in the postmodern*. L., The Falmer Press.
- Seale, C. (1999) *The quality of qualitative research*. L., Sage.
- Shank, G., & Vilella, O. (2004) Building on new foundations: core principles and new direction for qualitative research. *Journal of educational research*. 98, 1, 46-55.
- Shoter, J. (1990) *Knowing of the third kind*. Utrecht: ISOR.
- Smith, J.K. (1984) The problem of criteria in judging interpretative inquiry. *Educational Evaluation and Policy analysis*. 6, 379-391.
- Steinke, I. (2004) Quality criteria in qualitative research, A companion to qualitative research. Ed. by Flick, U., von Kardorff, E., Steinke, I. L., Sage, 184-190.
- Stiles, W.B. (1993) Quality control in qualitative research. *Clinical psychology review*. 13, 593-618.
- Stinson, S.W., & Dils, A. (2008) Dance in qualitative research. *The Sage encyclopedia of qualitative research methods*. Ed. by Given, L.M. Vol. 1. Thousand Oaks, CA, Sage, 183-185.
- Strauss, A. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: osnovannaya teorija, procedury i tehniki [Basics of qualitative research: reasonable theory procedures and techniques]*
- Tuffin, K. (2005) *Understanding critical social psychology*. L., Sage.
- Voiskunsky, A.E. (2001) Kachestvennyj analiz dannyh [Qualitative analysis of data]. Voiskunsky, A.E., Skripkin, S.V. *Vestnik Moskovskogo Universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Series 14 'Psychology', 2, 93-109.
- Wodak, R., & Meyer, M. (2009) Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology. *Methods of critical discourse analysis*. Ed. by Wodak, R., & Meyer, M. L., Sage, 1-33.
- Yardley, L. (2008) Demonstrating validity in qualitative psychology. *Qualitative psychology: a practical guide to research methods*. Ed. by Smith, J.A. London, Sage, 235-251.